

Сопротивление и разлом в культуре*

М. Кастийо

Университет Пари-Эст, Париж, Франция

Аннотация

Статья посвящена анализу понятия сопротивления и его философско-лингвистической трансформации на рубеже XX–XXI веков. Во Франции слово «сопротивление» ассоциируется прежде всего с противодействием патриотически настроенных граждан нацизму в период оккупации страны Германией во время Второй мировой войны. Это движение стало примером героической борьбы военных, партизан, подпольщиков, не смирившихся с поражением французской армии, а также спонтанных действий людей доброй воли, помогавших пленным и жертвам нацизма. Деятели Сопротивления отказывались подчиняться преступной власти, их не устраивали ни позиция сотрудничества с оккупационным режимом, ни пассивное ожидание его низвержения. Рискуя принять мученическую смерть, они стремились бороться с нацизмом без надежды на успех своих действий. В послевоенные годы, в период борьбы с колониализмом, тоталитаризмом и расизмом, мужественные личности ценой собственного благополучия и жизни отстаивали идеалы свободы и демократии, защищали интересы угнетенных и эксплуатируемых сограждан. Понятие «сопротивление» в данную эпоху обрело смысл противостояния силам зла, бескорыстного самопожертвования во имя вечных ценностей добра и справедливости. В общественном сознании движение Сопротивления предстает как вдохновенная позитивной этикой и направленная на содействие социальному благу деятельность. В конце XX века понятие сопротивления постепенно утрачивает концептуальное, нравственное и конструктивное содержание, приобретая этически индифферентный, а порой откровенно негативный, нигилистический и циничный смысл. Абсолютной ценностью объявляется неограниченная эмансипация, задача ниспровержения традиционной обыденной морали и устаревших норм жизни. Прикрываясь лозунгами борьбы за

---

* Французская версия статьи была опубликована в журнале «Revue Inflexions» (2015/2. № 29. С. 11–20).

свободу, противостояния дискриминации, некоторые из современных социальных движений способствуют разрушению общественного порядка и дискредитации этических ценностей и достижений мировой культуры, что в свою очередь ведет к социальному безразличию и снижению способности сопротивления деструктивным социально-политическим явлениям. Автор делает вывод, что перед современным прогрессивно мыслящим человечеством стоит задача просвещения общества, разоблачения политического экстремизма, консолидации с целью сопротивления деструктивным силам и отстаивания идеалов подлинной демократии и гуманизма.

Ключевые слова: социальная философия, философия политики, политическая борьба, конфронтация, постмодернизм, нонконформизм, нигилистический индивидуализм.

Кастийо Моник – доктор хабитат (docteur d'État) философии, профессор отделения философии и литературы Университета Пари-Эст.

В подготовке и переводе статьи участвовала:

Мачульская Ольга Игоревна – научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

hermeneutique.academie@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9040-0160>

Для цитирования: *Кастийо М.* Сопротивление и разлом в культуре / пер. О.И. Мачульской // *Философские науки*. 2022. Т. 65. № 4. С. 53–66. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-4-53-66

Resistance and Cultural Fracture*

M. Castillo

Paris-Est Créteil University, Paris, France

Abstract

The article discusses the concept of resistance and its philosophical and linguistic transformation at the turn of the 20th and 21st centuries. In France, the notion “Resistance” is associated primarily with the opposition of patriotic citizens to Nazism during the occupation of the country by Germany

---

* The French version of this article was published in *Revue Inflexions* (2015/2. Vol. 29, pp. 11–20).

during World War II. This movement became an example of the heroic struggle of the military and partisans who did not accept the defeat of the French army, as well as the spontaneous actions of people of good will who helped the prisoners and victims of Nazism. The leaders of the Resistance refused to submit to the criminal authorities, they were not satisfied with either the position of cooperation with the occupation regime or the passive expectation of its overthrow. At the risk of martyrdom, they sought to fight Nazism without hope of success in their actions. In the post-war years, during the period of the struggle against colonialism, totalitarianism and racism, courageous individuals, at the cost of their own well-being and life, defended the ideals of freedom and democracy, defended the interests of the oppressed and exploited fellow citizens. The concept of resistance in this era acquired the meaning of confronting the forces of evil, selfless self-sacrifice in the name of the eternal values of goodness and justice. In the public mind, the resistance movement appears as an activity inspired by positive ethics and aimed at promoting the social good. At the end of the 20th century, the concept of resistance gradually loses its conceptual, moral, and constructive content, acquiring an ethically indifferent and sometimes frankly negative, nihilistic, and cynical meaning. Unlimited emancipation, the task of overthrowing traditional everyday morality and outdated norms of life, is declared an absolute value. Hiding behind the slogans of the struggle for freedom, opposition to discrimination, some of the modern social movements contribute to the destruction of public order and the discrediting of ethical values and achievements of world culture, which in turn leads to social indifference and a decrease in the ability to resist destructive socio-political phenomena. The author concludes that modern progressive-minded humanity is faced with the task of educating and consolidating society, exposing political extremism in order to resist destructive forces and uphold the ideals of true democracy and humanism.

Keywords: social philosophy, philosophy of politics, political struggle, confrontation, postmodernism, nonconformism, nihilistic individualism.

Monique Castillo – Dr.Hab. (docteur d'État) in Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Literature, Paris-Est Créteil University.

Assisted in publication and translation from French into Russian:

Olga I. Machulskaya – Research Fellow, Department of Modern Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

hermeneutique.academie@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9040-0160>

For citation: Castillo M. (2022) Resistance and Cultural Fracture (O.I. Machulskaia, Trans.). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 4, pp. 53–66. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-4-53-66

Под сопротивлением понимают действия, предпринятые во имя спасения чего-либо (цивилизации, государства, родины, истории и т.д.), и это слово чаще всего применяют по отношению к французскому движению Сопротивления нацизму в 1939–1945 годы как к исполнению коллективного морального долга. В эпоху постмодернизма сопротивление в качестве протеста (цивилизации, государству, родине, истории и т.д.) означает поддержку индивидуальности, противостоящей принуждению со стороны сообщества. Таким образом, очевидным становится разрыв в культуре, возникающий между двумя поколениями и двумя взглядами на власть. Слово «сопротивление» вполне могло бы стать риторическим олицетворением партизанской борьбы, если бы не тот факт, что оба лагеря вынуждены прибегать к сопротивлению, чтобы избежать равнодушия (по отношению к цивилизации, государству, родине, истории), грозящему привести к нигилистическому индивидуализму.

Сопротивление

Сопротивление как образец поведения

Для француза Сопротивление 1939–1945 годов – это одновременно история, воспоминания и яркий образ. Это – часть отечественной истории, история героического неповиновения: преодоление унижения после поражения в войне, неприятие иностранной оккупации, отказ от сотрудничества с врагом. Тяжелая задача для французов состояла в том, чтобы продолжать войну, сражаться вместе с союзниками, участвуя в партизанской войне в своей стране. Пылкий энтузиазм, воспламенявший очень разных людей, придавал силы для борьбы. Тем не менее задача всегда оставалась одна: сохранить возможность для нации написать свою будущую историю, ставить перед собой цели и брать на себя ответственность за их достижение, быть субъектами Великой Истории. И лишь ценой экстремального самопожертвования (пытки, депортация, смерть) боец Сопротивления осознает историческое значение

своей борьбы: это означает, что лишь принятие величайшего риска является для суверенного государства необходимым условием признания и уважения его свободы другими странами. Эта символическая сила Сопротивления, тех его участников, которые ценой своей жизни доказали свою правоту, до сих пор не поддается статистическому учету. Да, не весь народ воевал с оружием в руках, и мы должны справедливости ради признать, что страх – более эффективный вербовщик, чем храбрость. Но у каждого бойца Сопротивления было свое видение слова «сопротивляться». Каждый пример, образец поведения – это раскрытие смысла, объективизация ценности, он вызывает одобрение и действует как призыв, мобилизует и распространяется в массах¹.

В этом случае пример бойца Сопротивления подразумевал определенную стратегию действий; Сопротивление после поражения и оккупации, означало прежде всего взятие на себя обязательства не плыть по течению, не быть ни приспособленцем, ни сторонником тактики выжидания. Это означало творить историю в чрезвычайной ситуации, зная, что за это придется заплатить лишениями и страданием. В таких условиях может появиться стремление (и это стремление не всегда рационально или представимо в абстрактных терминах), которое может быть живым воплощением идеала в реальной ситуации: нация, партия, город, регион, весь мир... Следовательно, участвовать в Сопротивлении означает созидать «вечное», вневременное и безусловное, неизменно возрождающееся. Сопротивление поддерживает существование того, что пытаются уничтожить деструктивные силы. Помогать беженцам от оккупации, укрывать детей, пере-

---

¹ Случай Люсьена Видаль-Наке (отца историка Пьера Видаль-Наке) как раз иллюстрирует Сопротивление как образец поведения. Во времена, когда большинству не хватает мужества, одиночная демонстрация мужества придает его принципам беспрецедентную публичность. Раймон Арон в «Мемуарах» пишет: «Во время немецкой оккупации этот человек проявил мужество, граничившее с безрассудством, подставляя себя палачам. Когда вишистская власть запретила Видаль-Наке заниматься профессиональной адвокатской деятельностью, он, как мне рассказали, выступил с публичным протестом во Дворце правосудия, бросив вызов тем своим коллегам, которые покорно выполняли ордонансы Виши. В Марселе, где жила семья его жены, он поселился в доме, занятом немецкими офицерами. Видаль-Наке не скрывал ни своего происхождения, ни своих взглядов», Раймон Арон [Арон 2002, 178–179].

правлять за границу, объединять посредством переписки и личного общения – значит заставлять людей продолжать жить и сопротивляться.

Сопротивление после Сопротивления

История Сопротивления уже стала легендой, и то, что сохранила память французов, обрело для них формы образа той эпохи, когда народ объединился в годину испытаний, когда стерлись разногласия, личные амбиции и страсти, когда нация жила общими надеждами и ожиданиями будущего. Это единство было мнимым, если говорить об истории, но этот образ верен собственно *моральной памяти* о событиях Сопротивления.

Память о Сопротивлении увековечена благодаря традиции поминовения, стремлению передать его дух молодому поколению. Эта память связывает поколение переживших те годы и поколения не знавших войны, и она выражена в признании и уважении к «тем, кто смог сказать “нет”»². «Увековечивание» подразумевает преемственность культуры, образа жизни и убеждений, но, учитывая изменения нашей жизни и убеждений, как наша память может реализовать эту преемственность?

Боец Сопротивления является объектом восхищения, что бесспорно, но ведь мы от него слишком дистанцированы. Мы уважаем в нем то, чего уже не понимаем: готовность пожертвовать собой, отдать свою молодость за героический порыв или коллективный подвиг. Эти бойцы Сопротивления действительно умерли «за них», т.е. за следующие поколения, но «за них» также означает и «вместо них», как будто этим бойцам не приходилось иметь дело с таким же выбором, такими же роковыми решениями и героическими жертвами. Хуже того: мы иногда слышим осуждение культа смерти, который затмевает самопожертвование, поскольку он также предполагает жертву со стороны противника, что дезавуирует пацифизм как стремление к комфорту. Тем не

---

² Выражение из речи генерала Жана-Рене Башле, председателя Глиэрской Ассоциации бойцов Сопротивления, во время 70-го юбилея освобождения этого французского департамента. В эти дни 6 200 детей из 254 классов приняли участие в обсуждении темы «Память и гражданство», целью которого было сохранение памяти о Сопротивлении и его ценностях.

менее такие препятствия для памяти точно выявляют именно то, что действительно является объектом памяти, а именно дух сопротивления, который объединяет моральное и социальное, реализуя мораль в социальной жизни. В дарении себя обществу тот, кто «может сказать нет», реализует свою жизнь не как биологическое, а как нравственное существование, этическую субстанцию политического тела республики, единение ради общего блага, которое стоит выше личных интересов. Закон был бы лишь абстрактным ограничителем и не мог бы стать связующим звеном, воплощаться в чувстве семьи, в социальной и патриотической солидарности, становиться коллективным опытом.

Политико-этическая сторона сопротивления не утратила ни своей актуальности, ни силы примера, если она выступает против конформизма, трусости и подчинения незаконному или невыносимому господству. Лютер Кинг, Мандела и Ганди показали примеры сопротивления как борьбы, направленной на спасение их народов и ставшей цивилизационным проектом, ради реализации которого лидер жертвует собой до такой степени, что может потерять свободу или даже жизнь. Таким образом, освободительное движение сопротивления утверждает легитимность, если оно отказывается от измены своим ценностям и от подчинения институтам, извращающим общественные ценности. Конструктивной целью движения сопротивления служит не столько уничтожение идеологического противника, сколько реализация политического проекта, желанного для всей нации³.

Формы сопротивления

Во второй половине XX века понятию сопротивления придают иное истолкование. Бедствия, вызванные двумя мировыми войнами, в значительной мере вменяют в вину современному Западу, квалифицируя их как технологические, утилитарные, меркантильные, завоевательные и разрушительные. Национальное государство обвиняют в том, что оно до крайности «усугубило и усовершенствовало жестокость, ненависть и отказ от человечности в пользу

---

³ Учителя демонстрируют акты сопротивления и рискуют своей карьерой, когда протестуют против своего рода культурной деградации в сфере среднего образования, которую им пытаются навязать под предлогом демократизации школьного образования.

насилия» [Beck 2003, 191], до такой степени, что именно его считают истинным виновником Холокоста. Республиканскую мораль подозревают в том, что она служит идеологической ловушкой для коллективного подчинения реакционным ценностям. История европейского рационализма, от христианства до Просвещения и от Просвещения до марксизма, обобщенно рассматривается как движение к тоталитаризму [Lyotard 1993, 91].

Сопrotивление как акт в сфере культуры

После войны в интеллектуальных кругах и университетах возросла склонность к критике путем деконструкции идей, сомнений и проблем, которые обнаружил психоанализ, а также с помощью анализа культурного разнообразия, которым занимаются антропологи. Сопrotивляться – значит использовать эти новые инструменты, созданные гуманитарными науками, чтобы устранить иллюзии, разоблачить их, прояснить и опровергнуть.

Поэтому впечатляет масштаб интеллектуальных претензий, которые теперь предъявляют власти во всех ее формах: в сферах управления, образования, здравоохранения, обороны и собственно культуры. Теперь сопротивление – это уже не столько борьба с политическим оппонентом, сколько стремление изменить мировоззрение, логику, цель и средства познания. Необходимо прояснить то, что не смогли раскрыть ни проницательный разум, ни профессиональная наука и государственная власть. Сопrotивляться – значит признавать, что миром правят обман и иллюзии. Это означает, что нужно отбросить свою наивность и понять то, что недоступно для познания: бессознательное, иррациональное и анонимное, забытое и непознанное. Такое сопротивление принимает несвойственную западной цивилизации форму борьбы, трансформирующуюся в контркультуру.

Теперь раскрытие этой новой истины выражает уже не мужество субъекта, освобожденного от предрассудков, а разочарование в результате того, что этот субъект больше не является хозяином собственных мыслей и понимает, что он не способен их контролировать, и поэтому обрекает себя на постоянную интеллектуальную зависимость, несмотря на мечты о самостоятельности. Но становится очевидным, что такое понимание все же – этап познания, и оно создает для него защиту от социума, а также

право осуждать, оспаривать и опровергать лицемерие тех, кто упорствует в своей иллюзии веры в то, что пронизательность, профессионализм и сила авторитета остаются истинными основами культуры.

Многообразие форм сопротивления

Поскольку государственная власть уже воспринимается не как единая сила, а скорее, как система незримой координации знаний, традиций и нравов, требуется оказывать разные формы сопротивления этой сложно организованной силе. Поскольку знание упорядочивает способы поведения, но не просвещает умы, поскольку медицина, школа и армия формируют только послушных и исполнительных граждан, лишенных критического взгляда, именно маргинальность, преступность и ненормальность обнажают процессы, которые приводят людей к иллюзии их эмансипации (см.: [Фуко 1999; Фуко 1996]). Теперь будем противостоять иллюзиям единства, морали, солидарности, нормативности, демонстрируя нарушение норм, отклоняющееся поведение, неадекватный принятым нравам образ жизни или разрыв с традицией. Жак Ле Гофф пишет: «Бывшие колонизированные народы, изолированные этносы, женщины и дети, гомосексуалисты, региональные меньшинства, этнические группы, головорезы и бандиты таким образом *a priori* получают выгоду в результате событий 1968 года: теперь все они считаются одинаково угнетенными и (благодаря своей невинности) благородными дикарями» [Le Goff 2011, 192].

Таким образом, возникает много форм сопротивления вместо единого общего желания сопротивляться, поскольку цель некоторых из этих форм состоит в том, чтобы вызвать правонарушения и ранее недопустимые поступки. Мы уже не возвеличиваем мужество тех, кто решается сказать «нет», при этом нейтрализуем риторику и методы исполнительной власти во всех институтах: в школе, в больнице, в судах... Главное – преодолеть уверенность в правоте, устоявшиеся знания и умения, повсеместно осуждая методы работы власти. Образы мигранта, сумасшедшего, гомосексуала, преступника – это контристория свободы, история жертв власти, подтверждающая порочный характер ее деятельности.

Вот почему сопротивление, по крайней мере вербальное, будет возможным везде, где существует власть, по крайней мере

вербальное сопротивление. Осуждение символической силы (полномочной говорить, называть, определять, классифицировать, выбирать и, следовательно, навязывать свое мнение) является предметом изощренной деконструкции, являющейся успешной и эффективной по причине ее соблазнительной привлекательности. Например, представления, связанные со словами «женщины», «женственность» и «феминизм» (сегодня все чаще в сочетании со словом «гендер»), становятся очень популярными областями «сопротивления». Достаточно «деконструировать» многочисленные неосознанные смыслы, на которых они возводятся, чтобы осудить и подвергнуть цензуре «одиозный и позорный традиционализм» тех, кто наивно считает, что такие слова банальны и невинны. Например, Дэвид Гальперин замечает: «Подобно тому, как мужская/женская бинарность является плодом сексизма, гетеросексуальная/гомосексуальная бинарность является плодом гомофобии» [Halpérin 2000, 59]. Таким образом, навязывание иной классификации изменяет значение данных слов в медийном пространстве, заполненном войной символов. В дальнейшем символическая власть может изменить своего бенефициара и перейти на сторону тех, кто знает, как использовать риторику и ресурсы жертвенности либо мирным, либо агрессивным путем.

Акт сопротивления

Итак, индивидуализм всегда рассматривали как специфически демократический источник сопротивления тоталитарным, авторитарным, конформистским и популистским соблазнам. Многие хотели бы, чтобы это так и оставалось, а некоторые считают, что все это до сих пор так и обстоит. Тем не менее роль политического зла в его новых обликах, скорее, состоит в сопротивлении сегодняшнему гипериндивидуализму, который (индивидуально или коллективно) трансформируется в контрдемократическое поведение и контрдемократические требования.

Сопротивление равнодушию

Индивидуальность, эксцентричность и оригинальность – уникальные качества, их утверждение воспринимается как средство противодействия способствующему формированию тоталитар-

ного мышления процессу доминирования массового сознания. Современности присущ дух независимости [Констан 1993]. Естественным видится предположение о том, что постмодернистский индивидуализм, поскольку он восстает против всего, что угнетает желания, включая личную ответственность, усиливает этот дух. Формула Жан-Жака Руссо о том, что «свобода – это подчинение закону, самим себе данному» тем самым отвергается постмодернистским индивидуализмом. В результате возникает все упрощающая параллель между Руссо и Робеспьером, между Кантом, Марксом и Сталиным. Таким невероятным образом Просвещение и республиканские идеалы приравниваются к направлениям террористического абсолютизма⁴. На фоне этого карикатурного представления о свободе самопоклонение может быть воспринято как движущая сила полного освобождения и больше не будет встречать сопротивления своим фантазиям.

Тем не менее создается впечатление, что обязанность всегда быть уникальным (т.е. индивидуальным, поскольку все в мире индивидуально) больше не стоит на пути конформизма, идеологической агрессии и порабощения. Обязанность любой ценой быть счастливым и уникальным становится фактором дезинтеграции и распада общества, а индивидуальность в конечном итоге разрушает субъектность и права личности, делая их противозаконными. В 1960-х годах граждане были достаточно образованны и привержены демократическим убеждениям, чтобы допустить вторжение контркультуры в отношении брака, семьи, национального единства, образования и общественного согласия. Но сегодня декультурация как снятие ограничений, отказ от брака⁵, деполитизация общественной жизни и пр. вызывает, скорее, равнодушие, чем возмущение, скорее, пассивность, чем сомнение, скорее, выжидательную позицию, чем активную.

---

⁴ К примеру, Чарльз Тейлор в книге «Недуг современности» утверждал: «Свобода самоопределения... была одним из интеллектуальных истоков современного тоталитаризма, который, как можно утверждать, начался с якобинцев. Несмотря на то, что Кант переосмыслил эту концепцию в чисто моральных терминах как автономию, далее она утвердилась в политической области в работах Гегеля и Маркса» [Taylor 1999, 36].

⁵ См. работу Ирэн Тери «*Demarriage: право и личная жизнь*» [Théry 1993].

Сопроотивление контрдемократии

В наши дни необходимо сопротивляться атрофии способности к сопротивлению. Ален Финкельрот пишет: «По сути, постмодернизм отрицательно относится к любым тоталитарным проектам, но при этом он не готов с ними бороться. Защита демократии мобилизует постмодернизм не больше, чем посягательство на его ценности... Безразличие к великим делам равносильно отказу от применения силы, а фанатизм, который исчезает в западном обществе, вполне может уступить место другой, едва ли менее тревожной болезни воли: духу коллаборационизма» [Finkielkraut 1989, 168]. Эта позиция сформулирована еще в 1987 году, но сегодня она обрела новый смысл: безразличие, принимающее парадоксальную форму культа «различия» (как антонима понятия «безразличие»), молчаливо или бессознательно потворствует фанатизму, которому оно ранее препятствовало.

Демократия становится «аполитичной» [Rosanvallon 2006], если социальное поглощает политическое (спрос на блага оказывается важнее защиты свобод), если в общественной жизни происходит инфантилизация культурных традиций, если надзор за политическими действиями (осуждение, высмеивание и преследование в СМИ) подменяет участие в общеполитической жизни, если выражение протеста (голосуйте «против», а не «за») делегитимизирует власть, а правосудие неизменно поддерживает государство в ущерб базовым принципам судебного разбирательства. В этом случае гражданская позиция сводится только к одному: всегда быть против власти, какой бы она ни была и что бы она ни делала.

Противостоять такой деполитизации – значит возрождать полноту демократии в политике и возрождать общественно-политическую жизнь как поле для осмысленных действий. Разногласия имеют смысл, если они направлены не на разрушение, а на созидание общественного пространства для обсуждения и повышения доверия, если мнения складываются воедино в ходе их противостояния, если общий мир не является инертной средой, а постоянно обновляется различными взглядами, мнениями, дебатами и инициативами, определяющими роль и место каждого участника, если формируется среда для осмысления и деятельности, где все ожидают, понимают и обсуждают наши поступки, если это делает значимыми все аспекты нашей жизни,

от рождения до смерти. Противостоять контрдемократическому равнодушию означает вновь *обрести силу* в политическом смысле, т.е. «способность людей действовать согласованно. Власть не является индивидуальной собственностью: она принадлежит коллективу до тех пор, пока этот коллектив сохраняет свое единство» [Arendt 1972, 144]. Таким образом, сопротивление насилию служит не признаком слабости, а доказательством силы, и при этом власть воспринимают как единство, которое не подавляет нас, но порождается нашими коллективными действиями.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арон 2002 – *Арон Р.* Мемуары: 50 лет размышлений о политике. – М.: Ладомир, 2002.

Констан 1993 – *Констан Б.* О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. 1993. № 2. С. 97–106.

Фуко 1996 – *Фуко М.* Воля к знанию // *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр., сост., комм. и послесл. С. Табачниковой. – М.: Касталь, 1996. С. 97–268.

Фуко 1999 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999.

Arendt 1972 – *Arendt H.* Du mensonge à la violence. – Paris: Pocket, 1972.

Beck 2003 – *Beck U.* Pouvoir et contre-pouvoir à l'heure de la mondialisation / trad. de A. Duthoo. – Paris: Champs Flammarion, 2003.

Finkielkraut 1989 – *Finkielkraut A.* La défaite de la pensée. – Paris: Galimard, 1989.

Halpérin 2000 – *Halpérin D.* Saint Foucault. / trad. de D. Eribon. – Paris: Epel, 2000.

Le Goff 2011 – *Le Goff J.P.* La gauche à l'épreuve, 1968–2011. – Paris: Perrin, 2011.

Lyotard 1993 – *Lyotard J.F.* Moralités postmodernes. – Paris: Galilée, 1993.

Rosanvallon 2006 – *Rosanvallon P.* La contre-démocratie. La politique à l'âge de la défiance. – Paris: Points Essais, 2006.

Taylor 1999 – *Taylor Ch.* Le malaise de la modernité. – Paris: Cerf, 1999.

Théry 1993 – Théry I. *Le Démariage : justice et vie privée.* – Paris: Odile Jacob, 1993.

REFERENCES

Arendt H. (1972) *Du mensonge à la violence.* Paris: Pocket (French translation).

Aron R. (1983) *Mémoires.* Paris: Julliard (Russian translation: Moscow: Ladomir, 2002).

Beck U. (2003) *Pouvoir et contre-pouvoir à l'heure de la mondialisation.* Paris: Champs Flammarion (French translation).

Constant B. (1993) La Liberté des Anciens comparée à celle des Modernes. *Polis.* No. 2, pp. 97–106 (Russian translation).

Finkielkraut A. (1989) *La défaite de la pensée.* Paris: Gallimard (in French).

Foucault M. (1975) *Surveiller et punir: naissance de la prison.* Paris: Gallimard (Russian translation: Moscow: Ad Marginem, 1999).

Foucault M. (1976) *La volonté de savoir.* Paris: Gallimard (Russian translation in: *The Will to the Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality.* Moscow: Kastal, 1996, pp. 97–268).

Halpérin D. (2000) *Saint Foucault.* Paris: Epel (French translation).

Liotard J.F. (1993) *Moralités postmodernes.* Paris: Galilée (in French).

Le Goff J.P. (2011) *La gauche à l'épreuve, 1968–2011.* Paris: Perrin (in French).

Rosanvallon P. (2006) *La contre-démocratie. La politique à l'âge de la défiance.* Paris: Points Essais (in French).

Taylor C. (1999) *Le malaise de la modernité.* Paris: Cerf (French translation).

Théry I. (1993) *Le Démariage : justice et vie privée.* Paris: Odile Jacob (in French).